

ОТ ЕВГЕНИЯ ЛЕБЕДЕВА исходит ощущение спокойной уверенности мастера, знающего цену себе и своим рукам, которые у него поистине золотые. Он отлично владеет пилкой и рубанком, любит стряпать и шить, чинит и паяет. Лебедев — мастер не только в смысле обилия сыгранных ролей на сцене и более пятидесяти — в кино, он еще и художник: рисует, лепит, мастерит деревянные игрушки.

Жизнь не баловала Лебедева. Двенадцати лет начав тру-

сыграла когда-то Гамлета, и с тех пор множество актрис мечтают о мужских ролях. А как Лебедев играл Ведьму в «Аленьком цветочке», изображал Кабаниху или кокетливую мадемуазель Куку? Да что женские роли! Лебедев может сыграть все — зверей, деревья, закат и даже консервную банку (что он однажды и сделал, немало насмешив друзей-актеров, рассказывая об эпизоде киносъемок на Волге).

Лебедев выглядел бы акте-

тра, руководимого Г. А. Товстоноговым. С тех пор и начался творческий диалог актера с театром длиной в жизнь.

Лебедев — актер мощной и точной интуиции — толкует своего Артуро Уи, созданного им вместе с польским режиссером Э. Аксером, остро социально — восхождение ничтожества, сороки в фюреры, диктаторы при условии, если жив обыватель (и сам по себе, и в каждом из нас) и если остальным нет дела до взбесившегося чудовища.

(«десять лет жизни»), с Горьким («играю пятнадцать лет»).

Эксперимент с Холстомером («История лошади») буквально потряс театральный мир. Я сидела на спектакле, то и дело повторяя про себя: «Так не бывает!». Историю лошади, некогда блестящего Холстомера, бравшего в жизни первые призы, а теперь готовящегося к участи быть отправленным на живодерню, режиссер и актер прочитали так, что зрителю предстала в полном смысле слова безмерная, «эпическая»

еще жив им, он длит его в себе, потому и вещает свои скучные, банальные истины упоенно, как с кафедры. Уже всем ясно, что он ординарен, бесплоден, битая карта. И только сам Серебряков, словно раз и навсегда заведенный на одну и ту же программу, внушает не столько окружающим, сколько себе самому ценность собственной личности.

Как токующий глухарь, ничего и ничего не слышит. Даже в сцене, где в него стреляет дядя Ваня, Серебряков Лебедева не может увидеть и понять что-либо вне своей особы и нелепо отмахивается от пули носовым платком. Абсурд? Если бы только это — было бы просто смешно. Но лебедевский гротеск здесь сложнее. У него есть более глубокий подтекст — актеру недостаточно сказать, что Серебряков — бездарность, оказавшаяся в кумирах. Лебедеву важен и тот Серебряков, на которого наступает старость и подагра, от которого адски устала Елена Андреевна и которому предстоит одиночество.

Сегодня актер готовит одну из сложнейших ролей русского классического репертуара — Тарелкина в «Смерти Тарелкина». Согласно режиссерскому замыслу это будет опера-буфф по мотивам Сухово-Кобылина.

Народный артист СССР, лауреат Государственной премии, Евгений Лебедев не кажется маститым и обремененным славой, наверное, потому, что он приучился находить поэзию в обыденном, праздник — в несуетности, счастье — в труде. «Счастлив тот, — сказал однажды артист, — кого не покидает ощущение: чем больше он живет, тем меньше понимает и знает. Эта парадоксальность не дает остановиться в поиске, успокоиться».

На творческом вечере Евгения Лебедева в ВТО кто-то из опоздавших, немало подивившись всему, что он здесь увидел и узнал, спросил у соседа:

— Послушайте, да это же феномен какой-то! Какая у него профессия?

На него зашикали. А тот, к кому вопрос был обращен, лаконично ответил: «Лебедев!».

Нелли КОРНИЕНКО.

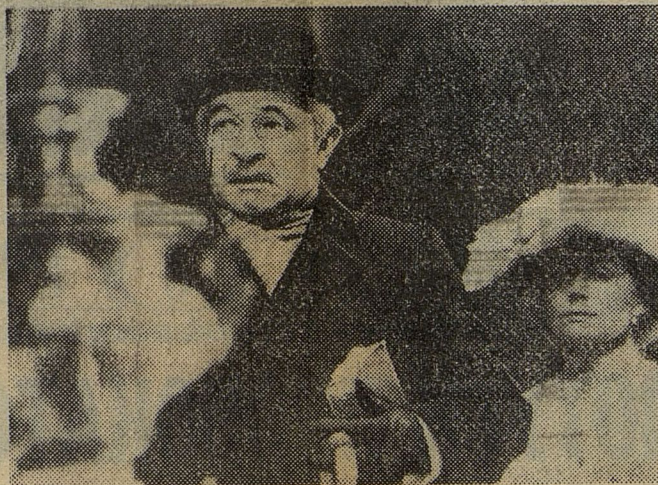
НА СНИМКЕ: Е. ЛЕБЕДЕВ в роли Серебрякова в пьесе А. П. Чехова «Дядя Ваня».

Фото Ю. Белинского (ТАСС).

МАСТЕРА ИСКУССТВ

Евгений ЛЕБЕДЕВ:

«ХУДОЖНИК ПРЕКРАСЕН НЕОЖИДАННОСТЬЮ»

довую жизнь слесарем-лекальщиком, он до работы в театре трудился на стройке и в поле, был грузчиком, арматурщиком, кузнецом и даже вальцовщиком на кондитерской фабрике.

Оттого и живет в нем рядом с мастеровым одухотворенный мудрец. Оттого и сложные все его сценические создания, что их автор всегда доводит своих героев до уровня мифа и притчи. Как это случилось, например, с Холстомером, знаменитым толстовским меринком, судьба которого оказалась в исполнении актера возведенной в ранг высокого трагического сказа об утрате человечности.

Сыгранные им люди неповторимы, но и глубоко связаны с ним самим, с неуемностью его натуры, с той или иной чертой его личности. Таковы Рогожин в «Идиоте», гангстер от политики в «Карьере Артуро Уи» Бертольда Брехта, горьковские Бессеменов и Монахов, шолоховский Шукарь, шекспировский Фальстаф, чеховский Серебряков.

Знаменитая Сара Бернар

ром из веселого средневекового карнавала, если бы не затаянная грусть, пронизывающая буквально все, что делает этот артист. Даже в образе жизнелюба Фальстафа, пьяницы и обжоры, он играет ум и беззащитность, печаль и тревогу.

Можно назвать Лебедева актером «энциклопедических» умений и чувствований. Один критик озаглавил свою статью о нем так: «Актер века». И попал в самую точку. Не потому, что в весьма условной иерархии установил его на вершине. А потому, что есть особая причастность этого мастера к проблемам нашей эпохи, обостренному чувству времени.

Лебедева выбрала судьба, когда в 1935 году он встретился в Москве с Георгием Товстоноговым, жившим, как и он, в ту пору на Трифоновке в студенческом общежитии. Но коллегами и людьми близкими они стали только в 1956 году, когда Евгений Алексеевич вступил в труппу Ленинградского Большого драматического те-

Один из самых любимых образов актера — Бессеменов в «Мещанах» М. Горького в постановке Г. Товстоногова — стал театральной классикой сразу после премьеры в 1967 году.

Лебедев играл не привычного в этой роли ретрограда, а искренне страдающего в поисках истины человека, желающего скрепить расплывающиеся семейные связи. Лебедевский Бессеменов хотел найти хоть какой-то смысл в своей бессмысленной жизни, восполнить в ней пустоту внешними привычками, атрибутами, правилами. «Театральные» эффекты Бессеменова лишь подчеркивали несостоятельность попытки мещанина доказать свое право на жизнь.

Оброненная Лебедевым фраза «художник прекрасен неожиданностью» приложима прежде всего к самому артисту, каждый спектакль которого, пусть играемый им десятый год, для зрителя всегда премьера. Наверное, потому, что актер умеет не расставаться подолгу с Достоевским

по масштабам трагедия души. «Внутренний монолог» лошади, вынесенный на площадь, беспокладно обнажил в лебедевском Холстомере такую бездну одиночества, незащищенности и неприкаянности, что перед ней померкли многие почтенные сценические создания, специально посвященные исследованию «жизни человеческого духа».

Лебедев сыграл сам гуманизм, идеал сочувствия, сострадания, милосердия. Три года после Холстомера Евгений Лебедев не брался за новую роль.

И вот совсем недавно, летом этого года, на гастролях в Москве артист показал зрителю свою новую работу — Серебрякова в «Дяде Ване». С Чеховым он встретился впервые.

Лебедев всегда умеет рассказать о своих героях целый роман. Их прошлое, настоящее и заглянуть в будущее. Так и с Серебряковым. Раздетый кумир, голый король, Серебряков тем не менее не может вытеснить из себя память об удачливом прошлом. Он все

ГУДОН
Г. Москва

47 СЕН 1988